

ЕСТЬ ТАКИЕ ХАРАКТЕРЫ

ШТРИХИ К ТВОРЧЕСКОМУ ПОРТРЕТУ

В белом медицинском халате, так ладно сидящем на ней, как, вероятно, сидела в те уже далекие годы военная форма, почти бесшумно появляется на сцене Люба. Внимательно, да нет — слишком обязательно это слово, будто каждой клеточкой души воспринимает она распоряжения шефа — академика Бурцева. Короткое «хорошо», и так же бесшумно выходит из кабинета. Эпизод этот — в одной из первых сцен нового спектакля Театра драмы имени А. С. Пушкина «Пока бьется сердце», поставленного И. Горбачевым по пьесе Д. Хлебницкого.

Любу играет Нина Мамаева. Будет еще несколько почти бессловесных появлений ее героини, но уже с самого начала вам трудно оторвать взгляд от этой тихой, внешне всегда спокойной женщины. Что-то тревожит, заинтересовывает нас в ее глазах, в том, как она обращается к Бурцеву или Крымову. И внимательно следя за диалогами героя Василия Меркурьева и Игоря Горбачева, каким-то внутренним зрением следишь за Мамаевой: секрет этого — в том же духовном богатстве, той душевной щедрости, умении понимать другого не только с полуслова, но и с полувзгляда, что привносит актриса в образ верного и беззаветного соратника Бурцева. Тонко и мудро раскрывает Мамаева драму несостоявшегося женского счастья. И не в разговорах это проявляется, а в истинно сокровенных движениях души, в невидимых токах, что сообщаются залу.

Эпизодическая вроде бы роль... Стерлись от частого употребления классические слова, что «нет маленьких ролей». И в своей Любове Михайловне справедливость этого тезиса Мамаева доказывает безукоризненно.

А за мастерски созданным эпизодом — тридцать лет актерского труда, истового, творческого. Легким и ясным, на первый взгляд, представляется путь Нины Васильевны в искусство. Мне сегодня трудно назвать актрису более популярную среди ленинградских школьников пятидесяти годов, чем тюзовская Мамаева. Прошли десятилетия, но память прочно хранит юношески угловатых ее девчонок — Вику в «Аттестате зрелости» Л. Гераскиной, Люсю в «Ее друзьях» В. Розова, Наташу в «Дневнике Наташи Соколовой» А. Зака и В. Кузнецова, то отважно, то настороженно вступающих в жизнь, порывистых и замкнутых, душевно чистых и щедрых. Это были девчонки из наших школ, они словно учились в одном с нами классе — настолько достоверно, психологически точно играла их Мамаева. Она жила их жизнью, их радостями и горестями, их верой и надеждами. И часто ходили тогда в ТЮЗ «на Мамаеву».

Пожалуй, и поныне одной из лучших ролей остается Джульетта. Шекспировская героиня пленяла в ее исполнении не только грациозностью, душевной чистотой, но покорила силой своей любви, стремлением бороться за нее. А рядом была чеховская Аня, будто пронизанная весенним светом, открытая всем ветрам жизни.

За Мамаевой прочно утвердился амплуа актрисы лирико-драматической, которое четко определилось еще в годы учебы в мастерской чуткого педагога, замечательного артиста и режиссера Л. Ф. Макарьева.

Мамаевой заинтересовались кинематографисты. Г. М. Козинцев снял ее в «Белинском» и приметил как будущую Офелию для своей постановки «Гамлета» в Театре драмы имени А. С. Пушкина.

Отказаться от предложения, остаться в ТЮЗе? В театре, ставшем для нее первой школой мастерства, первым творческим коллективом единомышленников, руководимым А. А. Брянцевым. Именно здесь, по признанию актрисы, она по-настоящему поняла назначение сценического искусства. Но, с другой стороны, как писала Мамаева лет пятнадцать назад, «наступил момент, когда я почувствовала вдруг, что детский театр глето стесняет мои чисто актерские, творческие желания и мечты».

Мамаева решает перейти в труппу старейшего драматического театра. Что ж, ТЮЗ всегда был и до сих пор есть своего рода колыбель и кузница актерских талантов. Выпестовав, опорой расстается с ними. Расставание это боль-

но и горько, но лучшие его питомцы на всю оставшуюся жизнь сохраняют в своем творчестве, в жизни те добрые начала, что были заложены в тюзовских стенах.

Не часто бывает, чтобы на академической сцене молодой актрисе выпадало счастье в трех первых сезонах сыграть Офелию, Нину Заречную, Лизу Кисельникову в «Пучине» А. Н. Островского, Полину в испенировке романа Ф. М. Достоевского «Игрок». Да, актерское счастье. Л. С. Вивьен, руководивший в ту пору театром, внимательно следил за работой Мамаевой, не только помогал ей советом, главное, что он верил и доверял дебютантке.

А дебют был не из легких — Офелия, где партнерами выступали Бруно Фрейндлих и Юрий Толубеев. Доверившись лирико-драматическому дарованию артистки, Г. М. Козинцев особенно выделил в характере Офелии незащищенность и робость, ее нежность и хрупкость. Женственность и жертвенность сочетала героиня Мамаевой.

Иными гранями — оба этих качества — жемчужность и жертвенность — высветятся в чеховской «Чайке», в образах «Пучины» и «Игрока». В содружестве с режиссерами Л. С. Вивьеном и В. П. Кожичем актриса сумеет создать строгие внешне и емкие внутренне натуры, в которых как бы новую жизнь обретут авторская мысль и вековая правда классических произведений. Нелегкий жизненным путем пройдуэт героиня Мамаевой — лиризм и просветленность Заречной окрасятся драматической скорбью в спектаклях по Островскому и Достоевскому.

Разными были эти образы, но их, как и будущие создания артистки, отличало утверждение человеческого достоинства и мужества, ответственности человека за все, что свершается рядом с ним. Примечательно, что Мамаевой лучше всего удаются роли, в которых героиня находится перед выбором своего дальнейшего жизненного пути, где в разных социальных, общественных, нравственных обстоятельствах формируется характер.

Не ищет да и не искала Мамаева для своих героинь легких дорог. Скорее искала, придумывала, находила дополнительные трудности и сложности. Так она работала над образом Любы из спектакля «Пока бьется сердце», так создавался образ Марии в пьесе А. Салынского, а если быть верным хронологии, то рассказ следует повести о Майе из спектакля «Сонет Петрарки» Н. Ф. Погодина. В натуру этого окрашенного лирической голубиной персоны актриса сумела привнести драматизм, тревожащие душу ноты. И стала достойной партнершей Николая Симонова. Одна из вариаций сонетов Петрарки получила вполне земное и очень романтическое звучание. Благодаря дуэту Мамаевой и Симонова несколько сентиментальное повествование обрело публицистичность, гражданскую страстность.

Успехи, успехи... Нет, не только они. Были и полуудачи в спектаклях случайных, проходных, таких, как «Дальняя дорога», были ретроспективные воспоминания о тюзовских героинях — «Семья Журбиных» по роману В. Кочетова. Были ли неудачи открытые? Ответить однозначно нельзя. И вот почему. Приглашенный для постановки «Антигоны» Софокла Д. Алексидзе, стилизуя спектакль под древнее трагедию, действо, возводя его героев на котурны (не внешне, но внутренне), поручил главную роль Мамаевой. Сыграть характер по-настоящему трагический — соблазнительно, и какая актриса об этом не мечтает? Но намерения режиссера и возможности исполнительницы не совпали: искренность, порывистость Антигоны — Мамаевой пришлось в противоречие с общей помпезностью постановки. Неудача спектакля была досадной, но закономерной.

Недолгую сценическую жизнь имела и Шень Дэ в «Добром человеке из Сычуани». Лучистое, светлое и с мудрой при том горечью играла ее Мамаева. Только слишком подробное разъяснение режиссером трагизма положения брехтовской героини оставляло равнодушным зал, не возникало того необходимого контакта, без которого немислим театр, не состоялось, по словам актрисы, «договоренности художника с аудиторией», когда

«рождается на сцене современная идея».

...Современная идея, современная проблематика, жизнь. К ним Мамаева стремится упорно в каждом создаваемом образе. Не так уж много центральных ролей выпало на ее долю в современных пьесах за последние годы. Секретарь райкома Мария, и... все. Артистка играла ее с искренней увлеченностью и влюбленностью, радостью за то, что е такие характеры на земле. Быть может, настоящему успеху этой работы помешали многочисленные поправки, вносившиеся разными сторонами по ходу репетиций, быть может, не во всем точное распределение ролей. Но даже при том, что «Мария» не принесла полного удовлетворения ни зрителям, ни самой актрисе, она стала для Мамаевой важной вехой на дальнейшем творческом пути. Кто знает, не будь этого опыта, пришла ли бы удача в Любе...

А рядом, точнее, за несколькими лет до Марии — Линда в «Смерти коммивояжера». Както незаметно прошла эта роль, одно из сокровеннейших созданий актрисы. Мать двух детей, жена неудачливого коммивояжера, героиня Мамаевой с лирической и драматической проникновенностью оттеняла трагизм Ломена — Толубеева. И с огромной, неугасающей сердечной болью вела страстный до неистовости разговор о судьбе человека в мире, где главная ценность — деньги, где человека выбрасывают за ненадобностью «как выжатый лимон». Актриса достигала редкой трагедийной проникновенности.

Прошедшие десятилетия прочно укрепили за Мамаевой амплуа лирико-драматической героини. Но как решительно в минувшем сезоне разрушила она давно сложившееся это убеждение, сыграв Тартальону в «Зеленой птичке» Карло Гоцци! Слово вспомнила актриса свою Лизу в грибоедовском «Горе от ума», игравшую еще в школьные годы. Не от туда ли не растратенное до сих пор лукавство, озорство, зазор, импровизационность — все это, помноженное на мастерство, определило успех в несвойственном, казалось бы, Мамаевой прежде пародийно-сатирическом жанре. Кроме того, в спектакле, в основном молодежном, актриса стала его «лидером», помогая молодым коллегам, подзадоривая их, вовлекая в вихрь сказки.

Отношения с молодежью у Мамаевой самые добрые, щедрые. Помню, как помогала она Татьяне Лариной вводиться на главную роль в «Марии», как трепетно и требовательно передавала эстафету дорогой для себя роли. И так — во всем, будь это репетиция, заседание художественного совета, конференция в ВТО.

Актерское счастье... На первый взгляд, так оно и есть. Работа под руководством замечательных режиссеров, рядом с Н. С. Рашевской, Е. И. Тиме, К. В. Скоробогатовым, В. И. Честноковым, целой плеядой выдающихся мастеров — это ли не счастье? А роли какие были!.. Но почему-то не получается мажорного финала. Не так уж мало сыграно ролей, но — не слишком ли мало? «Я тоскую по вызову, по непримиримости, мне на сцене хочется протестовать, отстаивать, добиваться», — под этими словами Мамаевой, думаю, готовы подписаться и ее коллеги по театру — Нина Ургант, Юрий Родюнов, многие другие. «Одним словом, — продолжает актриса, — я тоскую по активной современной героине, по такой женщине, которая бы выразила мое сегодняшнее отношение к жизни и к людям».

Пусть это сказано давно, но, убежден, Мамаева мечтает о такой роли и сегодня. Таков уж ее характер: при добротенезменяемая требовательность, при внешнем благополучии — постоянная неудовлетворенность собой. И убеждение, что как только актеры разрешат себе думать о творчестве как о службе, то что-то они потеряют как художники, сладут свои позиции. «А настоящее, большое творческое счастье все-таки, видимо, не заключено в одном человеке, оно обязательно в связи со счастьем многих других».

С этим убеждением выходит от вечера к вечеру на прославленную сцену народная артистка РСФСР Нина Мамаева.

Ю. КРАСНОВ